

Социально-речевые портреты социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах

Рифат Ф. Мирхаев, Бахтияр К. Миннуллин

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Российская Федерация*

В статье анализируются социально-речевые портреты основных социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью решения проблемы изучения социальных основ языковых процессов в историческом аспекте, в частности коммуникативной деятельности субъектов общественных отношений. По мнению авторов, именно в ее рамках зарождаются и запускаются механизмы развития языка.

В ходе работы устанавливается, что в этот период в социальной структуре татарского общества наряду с крестьянами были представлены представители коммерческих кругов и религиозно-образовательных сообществ, а также простые горожане. Характер социально-речевых портретов рассмотренных социальных групп в целом определяли ценностно-аксиологические установки утилитарного характера. Социально-речевые портреты данных социальных групп характеризуются преобладанием в их структуре компонентов разговорного стиля при минимальном присутствии ресурсов литературного стиля.

Последнее обстоятельство указывает на то, что в условиях, произошедших в татарском обществе трансформаций этого периода, наиболее доступным и востребованным средством социальной коммуникации выступили разговорные формы татарского языка.

Ключевые слова: татарский язык; социально-речевой портрет; аксиология; стилистика; социальная структура; социальная группа; функциональное развитие языка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 24-28-20132: <https://rscf.ru/project/24-28-20132/>.

Для цитирования:

Мирхаев Р. Ф., Миннуллин Б. К. Социально-речевые портреты социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 197-211. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.13>

Мирхаев Рифат Фирдинатович — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: mirhaev77@mail.ru

Миннуллин Бахтияр Кимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. Эл. адрес: bahtiyar1986@yandex.ru

Social and Speech Portraits of Social Groups in Tatar Society in the Second Half 19th and Early 20th Centuries: A Value-Axiological and Stylistic Perspective

Rifat F. Mirkhayev, Bakhtiyar K. Minnullin

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences,
Russian Federation*

This article examines the social and speech portraits of the main social groups within Tatar society in the second half of the 19th and the early 20th centuries from value-axiological and stylistic perspectives.

The relevance of this study stems from the need to address the issue of examining the social foundations of linguistic processes in their historical dimension, particularly the communicative practices of the subjects engaged in social relations. According to the authors, it is within this communicative activity that the mechanisms of language development originate and are set in motion.

The study reveals that during this period, in addition to the peasantry, the social structure of Tatar society included representatives of commercial circles, religious and educational communities, as well as ordinary townspeople. The social and speech characteristics of these groups were largely determined by utilitarian value and axiological orientations. The social and speech portraits of these social groups are marked by the dominance of colloquial style elements, while the use of literary language resources remained minimal.

This observation indicates that, amid the social transformations that occurred within Tatar society during this period, colloquial forms of the Tatar language became the most accessible and widely demanded means of social communication.

Keywords: Tatar language; social and speech portrait; axiology; stylistics; social structure; social group; functional development of language

Financing

This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation and the Tatarstan Academy of Sciences, Project No. 24-28-20132: <https://rscf.ru/project/24-28-20132/>.

For citation:

Mirkhayev R. F. and Minnullin B. K. Social and Speech Portraits of Social Groups in Tatar Society in the Second Half 19th and Early 20th Centuries: A Value-Axiological and Stylistic Perspective. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 197-211. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.13>

MIRKHAYEV, Rifat Firdinatovich, Doctor of Philology, Docent, Leading Researcher, Department of General Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Baumana St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: mirhaev77@mail.ru

ORCID: [0009-0004-9740-8957](https://orcid.org/0009-0004-9740-8957)

MINNULLIN, Bakhtiyar Kimovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of General Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Tatarstan Academy of Sciences. Postal address: 20 Baumana St., Kazan, 420111, Russia. E-mail: mirhaev77@mail.ru

ORCID: [0009-0002-3624-2848](https://orcid.org/0009-0002-3624-2848)

Введение

Реконструкции социально-речевых портретов (далее — СРП) исторических социальных групп дают возможность выявить экстралингвистические механизмы, которые детерминировали в прошлом языковую эволюцию и которые в силу ряда объективных причин невозможно наблюдать и анализировать непосредственно. Как известно, язык, как общественное явление и как одно из важнейших средств человеческого общения существует и развивается в движении. Основу данного движения составляет коммуникативная деятельность представителей тех или иных социальных групп.

В отечественном языкознании теоретические и методологические основы изучения СРП представителей тех или иных социальных групп заложены в трудах Б. А. Ларина (Ларин, 1928ab) и Е. Д. Поливанова (Поливанов, 1968). В дальнейшем они были развиты в исследованиях Ю. Н. Караулова (Караулов, 1987), Т. Г. Винокура (Винокур, 1989), М. В. Панова (Панов, 1990), Т. М. Николаевой (Николаева, 1991) Л. П. Крысина (Крысин, 2001), Б. Л. Бойко (Бойко, 2008), А. С. Гафаровой¹, С. В. Леорды² и др.

Как показывает анализ работ, в них в отношении рассматриваемой категории применяются различные научно-исследовательские подходы. Вследствие этого наблюдается разнообразие в ее терминологическом обозначении и трактовке. Авторами настоящей статьи социально-речевой портрет социальной группы определяется как совокупность речевых навыков ее представителей, которые обуславливаются их языковыми установками и сопутствуют определенным жизненным ситуациям.

В истории татарского языка период, который включает в себя вторую половину XIX и начало XX в., выделяется как самый благоприятный с точки зрения расширения его функций, т. е. функционального развития. Именно в это время он охватывает наибольшее количество социальных сфер, что больше не имело места ни в прошлом, ни в последующие годы. Также в этот период происходит переход от многовековых традиционных письменных литературных норм древнетюркского и старотатарского происхождения на новые, источником которых выступили народно-разговорные формы.

Данные языковые процессы явились своего рода следствием происходивших в то время в татарском обществе изменений. Во второй половине XIX в. в нем формируются новые социальные группы буржуазной направленности. Именно деятельность и коммуникативные потребности их представителей и детерминировали обновление татарского языка в функциональном и структурном планах.

Актуальность представленного исследования вытекает из обозначенных выше моментов. В трудах татарских ученых указанный период в основном рассматривается как один из хронологических звеньев эволюции письменных литературных норм, а относящиеся к нему источники изучаются в рамках теории литературного языка (Бәширова, 2008; Татар әдәби ... , 2015, 2017, 2019, 2020; Хаков, 1993). Проблема изучения в исторической ретроспективе функционального развития татарского языка в контексте социальных коммуникаций, а также роли и места социальных групп в языковых процессах входит в круг интересов диахронической социолингвистики. В татарском языкознании она ставится впервые.

Целью статьи является изучение СРП основных социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах. Исходя из этого, решается следующий круг задач: 1) в рамках выделенного исторического этапа описывается социальная структура татарского общества; 2) анализируется СРП представителей татарских коммерческих кругов; 3) изучается СРП представителей татарских религиозно-образовательных сообществ; 4) разбирается СРП татарских крестьян и простых горожан.

Объектом исследования являются СРП основных социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в., предметом — их ценностно-аксиологические и стилистические особенности.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют социо- и этнолингвистические подходы, предусматривающие обращение к взаимосвязям между социальными и языковыми системами, национально-культурной специфике выстраивания речевой коммуникации, проявляющейся в среде определенных национально-этнических групп, а также «... имеющийся теоретический задел в

¹ Гафарова А. С. Речевой портрет: социолингвистические характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006.

² Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

области изучения стратификационных и ситуативных вариаций языка, малых и больших социалем (языковых коллективов), социальных ситуаций, соответствующих им контекстуальных стилей, психологических установок, определяющих характер взаимоотношений между участниками коммуникативного акта, ценностных ориентаций данных лиц» (Мирхаев, Миннуллин, 2024: 3508).

Фактический материал анализируется посредством методов дифференцированного социально-функционального анализа текстов, социолингвистической реконструкции и социолингвистической интерпретации фактического материала, а также описательного метода.

Источниковую базу исследования составили:

1) при описании социальной структуры татарского общества — труды историков, посвященные рассматриваемому периоду¹;

2) при реконструкции СРП социальных групп — сочинения представителей татарской просветительской прозы и драматургии, живших и творивших в рассматриваемый период, а именно Загира Бигиева², Гаяза Исхаки³, Шакира Мухаммадова⁴, Касима Биккулова⁵, Галиасгара Камала⁶.

Выбор последних в качестве источников был обусловлен тем, что их авторы в наиболее приближенных к действительности реалистичных оттенках отображают жизнь представителей современных им социальных групп и в тончайших деталях воспроизводят особенности их речи.

Социальная структура татарского общества

В истории татарского народа рассматриваемый период определяется как время установления и расширения новых экономических отношений и формирования новых социально-профессиональных групп. В дальнейшем татары, в основном проживавшие в городах, свой быт наряду с исламскими нормами начинают выстраивать и на основе европейских буржуазных ценностей (Габдрафикова, 2015: 8; Хабутдинов, 2008: 6). Стоит отметить, что к концу XIX в. преобладающее большинство татар проживало в сельской местности и относились к сословию крестьян (История татар ... , 2013: 55, 238).

Несмотря на это, в татарском обществе присутствовали представители и других сословных групп. Среди них своим высоким статусом и привилегированностью отличались потомки прежней аристократии (князей и мурз), которые стали дворянами. Однако их сообщество ввиду своей малочисленности и гражданской пассивности, в обществе не имело какого-либо удельного веса (Татарские мурзы ... ,

¹ Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999; Габдрафикова Л. Р. Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–1 (76). С. 56–62; Габдрафикова Л. Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX — начало XX века). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015; Гибадуллин М. З. Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России, 1861–1913 гг.: дис. ... канд. эконом. наук. Казань, 2001; Загидуллин И. К., Багаутдинова Х. З., Байбулатова Л. Ф. Проблема дня отдыха торговых заведений мусульман в петициях татар Казани в конце XIX — начале XX в. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2015. № 3/4. С. 47–65; Знаменский П. В. Казанские татары. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910; Илялова И. И. Театр имени Камала. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986; История татар с древнейших времен : в 7 т. / гл. ред. Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX — начало XX в.; Татарские мурзы и дворяне: история и современность: сборник статей. Вып. 1 / редкол.: Ф. Г. Тарханова (отв. ред.) и др. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010; Хабутдинов А. Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII — начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.

² Бигиев З. Гөнаһе кәбир [Смертные грехи]. Роман. Казан: Типогр. Г. М. Вечеслава, 1890. 72 б. (На татар. яз.).

³ Исхакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1998. Т. 1. Повестьлар һәм хикәяләр (1899–1908) [Т. 1. Повести и рассказы (1899–1908)] (На татар. яз.); Исхакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3. (На татар. яз.).

⁴ Мөхәммәдев Ш. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Таткнигоиздат, 1958 (На татар. яз.).

⁵ Биккулов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкүрмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. (На татар. яз.); Биккулов К. Бәдәлче [Наемный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чижовой, 1909. (На татар. яз.); Биккулов К. Ат караклары [Конокрады]. Казан: Өмет, 1912. (На татар. яз.).

⁶ Галиасгар Камал. Әсәрләр [Сочинения]. Өч томда [в трех томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1978. Т. 1. Пьесалар [Пьесы]. (На татар. яз.).

2010: 7). Как отмечают историки, «многочисленная часть бывшей элиты, потеряв свои владения и титулы, влилась в состав крестьян, кроме того — в ряды торговцев (купцов) и предпринимателей» (История татар ..., 2013: 58).

Еще одно престижное сословие в рассматриваемый период, по уровню своей привилегированности занимавшее третье место после дворянства и духовенства, представляли купцы. Для того, чтобы иметь возможность записаться в купеческие гильдии, требовалось наличие определенных денежных сумм (там же: 150–151) и при удовлетворении соответствующих требований к ним мог быть приписан любой желающий (там же: 152).

Ввиду того, что вложение средств в промышленные предприятия в определенной степени являлось гарантией от банкротства, в рассматриваемый период начинается рост промышленного капитала. Однако одним из основных отраслей, характеризующихся высоким капиталовложением, все же оставалась торговля. Наиболее активными в этом плане были татарские коммерческие сообщества Казани, Симбирска, Уфы и Оренбурга¹. Их представители в основном вкладывались в торговлю чаем, в производство текстиля, одежды, головных уборов, обуви и ювелирных изделий, а также в кожевенное дело. Кроме того, они имели хорошо налаженные торговые связи и за пределами Российской империи, если быть точнее — на восточных рынках (там же: 155).

В результате роста национального торгового капитала в татарском обществе рассматриваемого периода формируется сообщество наемных торговых служащих, работающих в купеческих лавках — приказчиков. С увеличением количества торговых лавок росла и численность приказчиков, которые все больше обретали вес и значимость в обществе. В результате они могли позволить себе открыто заявлять о своих социальных интересах и правах на отдых и быт, что раньше не всегда удавалось (Загидуллин, Багаутдинова, Байбулатова, 2015: 50). Следует отметить, что преобладающее большинство татарских приказчиков являлись личностями просвещенными и придерживались демократических идей. В дальнейшем это позволило им стать представителями более творческих профессий: целый ряд театральных актеров и литераторов начинали свой профессиональный путь в качестве приказчиков (Илялова, 1986: 27).

Определенными привилегиями в татарском обществе рассматриваемого периода пользовались представители духовенства, основную массу которого представляли муллы — имам-хатибы и муэдзины. В своих приходах данные лица отвечали за проведение коллективных молитв и проведение богослужбных обрядов, занимались исковыми разбирательствами по нормам шариата и преподавали основы ислама. Вследствие этого в обществе они пользовались большим авторитетом. При этом муллы не являлись государственными служащими, что означало отсутствие заработной платы, а в последствии и пенсии (Азаматов, 1999: 144; История татар ..., 2013: 221–226).

В указанный период в местах проживания татар формируется достаточно обширная сеть учебных заведений, а при них — довольно многочисленная социальная прослойка хальф и шакирдов. Ко второй половине XIX в. мектебы (начальные конфессиональные школы) имелись в каждом приходе, а в крупных населенных пунктах работали медресе (средние конфессиональные школы) (Габдрафикова, 2012: 56; История татар ..., 2013: 798). Количество учащихся в образовательных учреждениях зависело от авторитета мулл, под руководством которых они функционировали, и варьировалось от нескольких десятков до нескольких сотен шакирдов. Минимальный возраст для поступления в мектебы составлял пять–шесть лет, а предельной чертой, при которой шакирды оканчивали свое обучение в медресе, являлось достижение тридцатилетнего возраста. При этом преобладающее большинство учащихся, чьи цели не заключались в дальнейшей службе в религиозной сфере, завершали образовательный процесс намного раньше (там же: 802).

Как уже было сказано, в указанный период преобладающее большинство татарского населения Российской империи относилось к крестьянскому сословию, куда была приписана также и определенная часть представителей бывшей аристократии. Основу благосостояния крестьянина составляло сельскохозяйственное производство, включающее в себя животноводство и земледелие, где последнее являлось главенствующей отраслью (там же: 291). Во второй половине XIX и начале XX в., в социально-профессиональной трансформации татарского крестьянства важное место начинает занимать от-

¹ Гибадуллин М. З. Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России, 1861–1913 гг. : дис. ... канд. эконом. наук. Казань, 2001. С. 59.

ходничество, основной причиной возникновения которого явилось стремление крестьянина к улучшению жизненных условий (Знаменский, 1910: 16). Данное явление, как правило, представляло собой два варианта. Первый имел земледельческий характер. Второй представлял собой работу в крупных городах в качестве грузчиков, извозчиков, чернорабочих и т. д. При этом оба варианта являлись сезонными и они не могли помешать основной деятельности крестьян на своей родной земле (История татар ... , 2013: 292–295). Стоит отметить, что среди крестьян также был актуален и долгосрочный вид подработки, заключающийся в работе на шахтах и заводах, а также в кустарном производстве (там же: 295–299), что приводило к отдалению крестьянина от общины. Однако крестьянин, ставший рабочим, формально и фактически не переставал относиться к крестьянскому сословию.

Во второй половине XIX в. социально-экономические процессы положительно отразились на темпах роста урбанизации. Однако, несмотря на это, его уровень в татарском обществе оставался невысоким (там же: 51). Другими словами, к началу XX в. татары все еще представляли собой крестьянскую нацию (там же: 56). Та ее часть, которая проживала в городах, была мало представлена в таких отраслях, как административная работа, наука, медицина и образование. В основном перебравшиеся в города татары занимались мелкой торговлей, а также были заняты в перерабатывающей отрасли и в сфере услуг.

В целом, татарское общество в рассматриваемый период в основном состояло из представителей крестьянского сословия. В то же время в нем выделялись социально-профессиональные сообщества купцов, разного рода торговцев, приказчиков, а также мулл, мугаллимов и шакирдов.

СРП представителей татарских коммерческих кругов

В источниках СРП данной исторической корпорации татар раскрывается в рамках следующих ситуаций профессиональной и бытовой окрашенности:

- 1) обсуждение торговой конъюнктуры в ближнем корпоративном круге;
- 2) беседа со служителем культа на предмет получения его высочайшего одобрения;
- 3) раздача указаний наемным служащим (конторщикам-приказчикам, посыльным);
- 4) общение на званых застольях;
- 5) прием и наставление простых сородичей;
- 6) контакты с близкими родственниками.

При этом тональность общения со стороны представителей данных кругов в отношении других участников коммуникации в зависимости от ситуативных обстоятельств определялась уважительно-почтительным, непринужденно-доверительным, высокопарно-снисходительным, авторитарно-императивным, доброжелательно-близким контекстуальными стилями.

На характер СРП татарских коммерсантов исследуемого периода накладывали свой отпечаток и ценностно-аксиологические принципы, которыми они руководствовались в своем быту и промысле и которые определяли их психологический портрет. Учеными последний представляется однотипным и в то же время достаточно противоречивым. Так, например, историк А. М. Рафиков характеризует их как людей, стремящихся к аккумуляции материальных богатств, развитию своего дела и в то же время старающихся приобщиться к культурно-просветительским благам. Кроме того, наряду с рационализмом, они отличались своей набожностью и консерватизмом¹.

Как показывает анализ фактического материала, речевые акты татарских коммерсантов исследуемого периода, которые коррелируются с ситуациями «обсуждение торговой конъюнктуры в ближнем корпоративном круге» и «общение на званых застольях», выстраиваются согласно непринужденно-доверительному и доброжелательно-близкому контекстуальным стилям. Соответственно в них преобладают общеупотребительные конструкции из разговорного стиля, а также сопутствующие деятельности указанных лиц профессионализмы. Их использование в определенной степени обуславливалось и ценностно-аксиологическими принципами, которыми руководствовались представители рассматриваемой исторической социально-экономической корпорации татар в своей жизнедеятельности:

¹ Рафиков А. М. Формирование и деятельность татарского купечества в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. С. 16.

1) материальная выгода первостепенна: *üzəñdä äžërë küp kalmas šul*¹ 'у тебя выгоды не много останется', *üz jayıña azraq fajda qalır kēbēkmē*² 'как там, останется тебе чуточку выгоды?', *arzan bulsa da, tavarnı aqçaya äjländersēnnär*³ 'если даже и получится недорого, пускай переведут товар на деньги';

2) цель должна быть достигнута при любом раскладе: *täwäkkäl qılary kiräk*⁴ 'нужно рискнуть';

3) совесть на хлеб не намажешь: *juqqa ıazaplanma*⁵ 'не мучайся понапрасну';

4) чтобы там не говорило большинство, не обращай внимания: *jaman atıñ bër çıyar, ikē çıqmas*⁶ 'дурная слава распространится единожды, а не дважды';

5) никогда не теряй бдительности, Всевышний защитит только в этом случае: *tirä-janıñnı cıjıbraq qaldırıy kiräk bulır*⁷ 'нужно будет привести в порядок дела', *xalıq ajayı tıñyaçraq*⁸ 'когда народ перестанет ходить', *döñjanıñ eşēn bēlēr xäl juq*⁹ 'будущее нам неведомо';

6) все в руках Всевышнего: *Allağa tapşırip*¹⁰ 'поручив воле Аллаха', *Xödağ quşıp*¹¹ 'с повеления Всевышнего', *Alla saqlasın*¹² 'упаси Аллах'.

Ориентированность на ресурсы разговорных страт сохраняется и в диалогах, связанных с ситуацией «беседа со служителем культа на предмет получения его высочайшего одобрения», которые отличаются нарочитой уважительно-почтительной тональностью и в рамках которых наиболее ярко проявляется принцип «все в руках Всевышнего». При этом в лингвистическом плане архитектура речевых актов разбивается конструкциями из письменно-книжного языка арабского и персидского происхождения: *xäjä-r döyada bulıyız indē*¹³ 'вы уж не оставляйте от благословения', *Xöda xäjärlē käsēplär birsä*¹⁴ 'если Всевышний даст добрые промыслы', *söz täbaräklärnēñ fatıxasın alsaq*¹⁵ 'если получим ваше хвалебное благословение'.

Речевые образцы татарских коммерсантов исследуемого периода из сфер ситуаций «раздача указаний наемным служащим (конторщикам-приказчикам, посыльных)» и «прием и наставление простых сородичей» в основном строятся по правилам высокопарно-снисходительного и авторитарно-императивного контекстуальных стилей, а также под воздействием ценностно-аксиологических принципов данных лиц. В лингвистическом плане в них превалируют элементы разговорных страт. Далее идут профессионализмы русского происхождения из соответствующего социолекта: *bērēncē xlebnij kăžä tirēsēnā*¹⁶ 'к прибыльной козьей шкуре первого сорта', *bırak kăžä tirēsēnnän*¹⁷ 'из забракованной козьей шкуры', *rasxut hämišä çıyıp törä*¹⁸ 'расходы беспрестанно возникают'. Не редки и вульгаризмы из просторечия: *açıq awız aluçılar*¹⁹ 'ротозеи-покупатели', *atañ başı*²⁰ 'ругательство, букв. голова твоего отца', *isērēk başı*²¹ 'пьянчуга', *jörmä irıldap*²² 'не путайся и не рычи'.

¹ Мөхәммәдов Ш. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Таткнигоиздат, 1958. (На татар. яз.). Б. 81.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Б. 80.

⁵ Там же. Б. 81.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Б. 83.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Б. 80.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Б. 83.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Б. 84.

¹⁶ Там же. Б. 43.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. Б. 45.

В процессе общения с членами семьи (ситуация «контакты с близкими родственниками») представители рассматриваемой социально-экономической корпорации придерживались непринужденно-доверительного, доброжелательно-близкого, а также высокопарно-снисходительного и авторитарно-императивного контекстуальных стилей. В лингвистическом плане практиковались разговорные страты, как региональные, так и общенародная, о чем свидетельствуют такие выражения как *juqqa qajyirirğa jaramij*¹ 'нельзя горевать зря', *anñ öçen qajyirip hiç fajda çiqmij*² 'нет никакой пользы от горевания за это', *ana sötë belän kermäğän, tana sötë belän kermäs*³ 'пословица, букв. что не вошло с молоком матери, не войдет с молоком коровы', *aña birgän ügëtnë bër êtkä birsän*⁴ 'если данные ему наставления дашь одному псу'. Нередко, в зависимости от психологического состояния, практиковались просторечные выражения: *êçetnë pöşirip*⁵ 'доставая меня', *liyirdap*⁶ 'тарахтя'.

В отдельных случаях, например, в письмах татарских коммерсантов своим супругам встречаются и письменно-книжные конструкции, такие как *darë yörbätdä bër kürërgä möntäziyr zäüžëñez*⁷ 'ваш супруг, который ждет не дожидается встречи на чужой стороне'.

Таким образом, в СРП сложившейся во второй половине XIX в. корпорации татарских коммерсантов находят свое отражение такие утилитарные ценностно-аксиологические принципы как:

- 1) материальная выгода первостепенна;
- 2) цель должна быть достигнута при любом раскладе;
- 3) совесть на хлеб не намажешь;
- 4) чтобы там не говорило большинство, не обращай внимания;
- 5) никогда не теряй бдительности, Всевышний защитит только в этом случае;
- 6) все в руках Всевышнего.

В стилистическом плане он характеризуется доминированием разговорного стиля нежели литературного. Хотя последний в его структуре, пусть и в малой степени, тоже прослеживается.

СРП представителей татарских религиозно-образовательных кругов

В источниках СРП представителей данной исторической корпорации татар раскрывается в рамках следующих ситуаций профессиональной и бытовой окрашенности:

- 1) руководство и духовное сопровождение конфессиональных обрядов и ритуалов;
- 2) назидание и наставление прихожан на проповеди;
- 3) обсуждение рабочих и бытовых вопросов в ближнем корпоративном круге;
- 4) общение на званых застольях;
- 5) проведение занятий в медресе;
- 6) прием прихожан и шакирдов;
- 7) контакты с близкими родственниками.

При этом тональность общения со стороны данных лиц в отношении других участников коммуникации в зависимости от ситуативных обстоятельств определялась уважительно-почтительным, непринужденно-доверительным, высокопарно-снисходительным, авторитарно-императивным, доброжелательно-близким, а также назидательно-наставительным контекстуальными стилями.

Как показывают источники, речевые акты татарских мулл исследуемого периода, которые корелируются с ситуациями «руководство и духовное сопровождение конфессиональных обрядов и ритуалов» и «назидание и наставление прихожан на проповеди» отличались назидательно-наста-

¹ Галиәсгар Камал. Әсәрләр [Сочинения]. Өч томда [в трёх томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1978. Т. 1. Пьесы [Пьесалар]. Б. 21. (На татар. яз.).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Мөхәммәдов Ш. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Таткнигоиздат, 1958. Б. 72. (На татар. яз.).

⁶ Там же.

⁷ Бигиев З. Гөнаһе кәбаир [Смертные грехи]. Роман. Казан: Типогр. Г. М. Вечеслава, 1890. Б. 17. (На татар. яз.).

вительной и высокопарно-снисходительной тональностями. В ценностно-аксиологическом плане в них, как правило, отражается принцип «на все воля Всевышнего», лингвистическими индикаторами которого выступают такие предложения как *Allahī sēzgā wā bēzgā kürkām xōliq, hidajāt birsēn*¹ ‘да ниспошлет Аллах вам и нам благонравие, желание найти правильный путь’ и *Allahī Tāyalā yijlmē nafiḡ birsēn, āhlē yōlāma zōmrāsēnā kērērgā nasījp itsēn ...*² ‘да ниспошлет Аллах полезную науку, да соизволит вступит в ряды ученых ...’

Во время проведения конфессиональных обрядов и ритуалов главная роль отводилась арабскому языку — общепринятому среди мусульман языку религиозного культа, а проповеди же преимущественно излагались на татарском литературном языке, в частности на его религиозно-дидактическом функциональном стиле, насыщенном арабскими заимствованиями: *Žāmāyat! Allahī Tāyalā xāzrätläre Kälām šäriḡendä härbēr möēmin möšēlman bulıan kēšēgā Allahī žēbēnā tötinirya, jāyni ittifaq wā ittixadda bulib, ajiḡilu-bülēnüdān tijadīr*³ ‘Прихожане! Аллах Всевышний в своем святом Коране каждому являющемуся правомерным мусульманином человеку [велит] держаться за нитку Всевышнего, то есть быть вместе и в единстве, предостерегает от разобщения и разъединения’.

Тональность бесед, которые сопровождают ситуации «обсуждение рабочих и бытовых вопросов в ближнем корпоративном круге» и «общение на званых застольях» в основном определялась уважительно-почтительным, непринужденно-доверительным и доброжелательно-близким контекстуальными стилями. Практиковались также высокопарно-снисходительный и авторитарно-императивный стили. А ценностно-аксиологическая составляющая данного рода ситуативно обусловленных диалогов, наряду с принципом «на все воля Всевышнего», пронизывалась также установками «авторитет наставника непререкаем» и «духовность прежде всего, но не стоит забывать и о материальной стороне жизни». Другими словами, в них представители духовно-религиозных кругов раскрываются как авторитарные прагматики. В лингвистическом отношении все это в большинстве случаев вербализуется ресурсами разговорного стиля, в частности такими выражениями как *aslan rizalīyım juq*⁴ ‘никогда не соглашусь’, *min bik jaxši bēlāmēn*⁵ ‘я прекрасно ведаю’, *jēgērmē jildan birlē dārēs ājtām*⁶ ‘преподаю на протяжении двадцати лет’, *mindān härkēm mulla bulip čyua*⁷ ‘у меня каждый становится муллой’, *minēm fatixamnı alyan kēšē buš qalyanı juq*⁸ ‘не было еще того, что человек, который снискал мое благословение, оставался ни с чем’, *dōyamnan mākhrım qalyanlar da māngē rāxāt kürmilār*⁹ ‘а обделенные моей молитвой вечно не находят блаженства’.

Речевые образцы татарских религиозных служителей исследуемого периода из сфер ситуаций «проведение занятий» и «прием прихожан и шакирдов» строились в рамках высокопарно-снисходительного, авторитарно-императивного, назидательно-наставительного контекстуальных стилей и под воздействием указанных выше ценностно-аксиологических принципов. В лингвистическом плане коммуникации в рамках ситуации «проведение занятий в медресе» преимущественно выстраивались при помощи арабского и персидского языков, а также письменно-книжной разновидности татарского литературного языка, изобиловавшего заимствованиями из первых двух языков, среди которых наряду с религиозными терминами выделялись также научные и образовательные термины. А в рамках ситуации «прием прихожан и шакирдов» предпочтение отдавалось разговорному стилю, о чем свидетельствует выстраивание контактов посредством конструкций *juqnı sōjlisēḡ*¹⁰ ‘ты говоришь несусветное’, *suqīrnı kitērmı kēmnē kitērik sōḡ*¹¹ ‘кого же мы должны пригласить кроме незряче-

¹ Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкурмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. Б. 27. (На татар. яз.).

² Исхакый Гаяз. Әсәрләр: Унбиш томда. Т. 3 [Сочинения: в пятнадцати томах. Т. 3]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Б. 224. (На татар. яз.).

³ Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкурмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. Б. 26. (На татар. яз.).

⁴ Биколов К. Бәдәлче [Наёмный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чижовой, 1909. Б. 27. (На татар. яз.).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Биколов К. Ат караклары [Конокрады]. Казан: Өмет, 1912. Б. 16. (На татар. яз.).

¹¹ Там же.

го', *sin üzəŋ xisab it*¹ 'рассуди сам', *sälamät kəšə mäktäbdä yömərən zayj qilib törmij bit*² 'ведь нормальный человек не будет зазря тратить свою жизнь в школе'.

В зависимости от психологического состояния использовались также и такие просторечные ругательства как *axmaqlar* 'идиоты', *böziq* 'развратник', *ət* 'пес', *käbästä başları* 'капустные кочаны', *näžəs* 'поганный', *xajwanlar* 'животные'³.

В процессе общения с членами семьи (ситуация «контакты с близкими родственниками») представители рассматриваемой корпорации придерживались непринужденно-доверительного, доброжелательно-близкого, высокопарно-снисходительного и авторитарно-императивного контекстуальных стилей. Здесь также проявляются все ценностно-аксиологические принципы, которыми указанные лица руководствовались в своей жизнедеятельности. Коммуникации в основном выстраивались в рамках разговорного стиля, что находит свое отражение в использовании данными лицами в беседах со своими женами и детьми следующих предложений: *Xödaŋ axirın xäjärlä qilsin, bu töş bik jaxşı tüğel*⁴ 'да сниспошет Всевышний благополучный конец, не к добру этот сон'; *östazlarğa riza bulmasaŋ, yömər buji bäräkät tapmassın*⁵ 'если окажешь недовольство наставниками, ты на протяжении всей жизни не найдешь благодати'.

В целом, анализ СРП сложившейся во второй половине XIX в. корпорации татарских мулл, мугаллимов и шакирдов показал, что психологический облик данных лиц определяли такие ценностно-аксиологические принципы как:

- 1) на все воля Всевышнего;
- 2) авторитет наставника непрекаем;
- 3) духовность прежде всего, но не стоит забывать и о материальной стороне жизни.

В стилистическом плане он включает в себя ресурсы как разговорного, так и литературного стилей татарского языка. Кроме того, ее представители в силу специфики своей деятельности практиковали также арабский и персидский языки.

СРП татарских крестьян и простых горожан

Данная историческая социально-сословная прослойка татарского общества в основном объединяла в себе жителей сельской местности. Но, как уже было сказано, в силу исторических факторов ее определенная часть на постоянной или временной основе проживала и в городах. В источниках СРП татарских крестьян исследуемого периода раскрывается в рамках следующих ситуаций:

- 1) в хозяйстве и на поле;
- 2) у сильных мира сего;
- 3) беседы с представителями религиозно-образовательных кругов;
- 4) контакты с близкими родственниками.

При этом тональность общения с их стороны в отношении других участников коммуникации в зависимости от ситуативных обстоятельств определялась непринужденно-доверительным, уважительно-почтительным и авторитарно-императивным контекстуальными стилями.

Как показывают источники, речевые акты татарских крестьян и простых горожан исследуемого периода, которые коррелируются с ситуациями «в хозяйстве и на поле», в целом характеризуются своей непринужденно-доверительной окрашенностью. В них, как правило, отражаются такие сопутствующие жизнедеятельности данных лиц ценностно-аксиологические принципы как «хлеб всему голова» и «на все воля Всевышнего, но хлеб на столе сам по себе не появится». В лингвистическом плане они выстраиваются в основном из ресурсов разговорного стиля, о чем свидетельствуют такие

¹ Там же.

² Там же.

³ Биколов К. Бәдәлче [Наемный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чиждовой, 1909. Б. 31. (На татар. яз.).

⁴ Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкурмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. Б. 10. (На татар. яз.).

⁵ Биколов К. Бәдәлче [Наемный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чиждовой, 1909. Б. 27. (На татар. яз.).

выражения как *suqaya barırsın*¹ ‘пойдешь на вспашку’, *ul jört žir, ul at tun, is kitärläk idē*² ‘такой дом с хозяйством, такая лошадь с шубой, все было восхитительно’, *indē mal härkēmgä yazız*³ ‘имущество же каждому дорого’, *sarı alašada jēgērmē altı pöt buldı*⁴ ‘в желтом мерине оказалось двадцать шесть пудов’, *illē ikēšār tijēnnän bušattıq*⁵ ‘выгрузили по пятьдесят две копейки’.

Нередко, особенно в городской среде, речевые акты представителей данной социально-сословной прослойки окрашивались также в авторитарно-императивные тона, что в целом было характерно для лиц, которые в своих узких социально-профессиональных кругах стоят на ступень выше чем их собеседники. На это указывают такие предложения как *tiz atqa utır da, bazarya, kibētkä bar*⁶ ‘немедля бери коня и съезди на рынок, в магазин’, *bötēnlāj dōnjañni onıtqansın* ‘ты и вовсе забыл где находишься’, *jöqlar utırasın!*⁷ ‘спишь сидя!’, *ajya un tänkä žalunjäñe şıñ jöqlar öčēñ birmilär bit!*⁸ ‘ведь жалование на червонец в месяц тебе дают не за сон’, *äjdä, tiz-tiz sēbērēp bētēr dā suya bar*⁹ ‘айда, быстро закончи подметать и иди за водой’.

Авторитарно-императивный контекстуальный стиль сопровождает и речевые акты представителей крестьянского сословия, которые обусловлены ситуацией «у сильных мира сего». Как правило, его придерживались зажиточные селяне в разговорах с бедными односельчанами, пришедшими к ним с какой-либо просьбой. В языковом отношении его индикаторами выступают предложения *ällä kēm bulasız*¹⁰ ‘становитесь важными вельможами’, *kēm quşqan sēzgä öštēñēzgä sitsa külmäk kijärgä*¹¹ ‘кто надумил вас надеть рубашку из ситца’, *bu waqıtka qadär nişlāp tülāwēgēznē salmadıyız?*¹² ‘почему до сих пор не внесли свои поборы?’, *küptän kilep minnän uraq alıp qujarya kiräk idē*¹³ ‘нужно было давно прийти и получить у меня жатву’, *jartı taqta čäjēgēz bulsa, ällä kēm bulıp jörisēz*¹⁴ ‘если обзаведетесь половинкой плиточного чая, расхаживаете как важные вельможи’.

При этом пришедшие с просьбой были вынуждены обращаться к своим «благодетелям» на уважительно-почтительном тоне, который нередко переходил на самоуничижительный, о чем свидетельствуют конструкции *tıñlij kür*¹⁵ ‘не откажи’, *žirēbēznē ala kür*¹⁶ ‘прими наши наделы’, *ışxutta qıjnata kürmä*¹⁷ ‘не позволяй, чтобы высеки на сходе’.

В случаях, когда их просьбы не удовлетворялись, тональность разговора посредством таких конструкций как *Allanıñ läynätē töşsēñ*¹⁸ ‘да проклянет [тебя] Аллах’, *jörtiñni ut alsın*¹⁹ ‘да запыхает в огне твой дом’, *balalarıñ minēm köñēmñe kürsēñ*²⁰ ‘да настигнет твоих детей моя участь’ могла поменяться и на противоположную.

Беседы же крестьян с представителями религиозно-образовательных кругов в основном строились в рамках уважительно-почтительного контекстуального стиля. На это указывает использование первыми в рамках соответствующих ситуативно обусловленных речевых актов предложений, выстро-

¹ Исхакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3. Б. 305. (На татар. яз.).

² Там же. Б. 327.

³ Там же.

⁴ Там же. Б. 331.

⁵ Там же.

⁶ Мөхәммәдов Ш. Сайланма әсәрләр [Избранные произведения]. Казан: Таткнигоиздат, 1958. Б. 70. (На татар. яз.).

⁷ Там же. Б. 96.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Биколов К. Алтынбай агай. Авыл халкының көнкурмешен тасвир иткән роман [Старик Алтынбай. Роман, описывающий быт селян]. Казан, 1908. Б. 5. (На татар. яз.).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Б. 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Исхакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3. Б. 64. (На татар. яз.).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

енных в соответствии литературному стилю: *äüwāl Allahīya, ikēñčē siña tapšīramīn*¹ ‘сначала вручаю Аллаху, после тебе’, *sēznēñ kēbēk zur kēšēñ qanāyatländerä alirmizmi*?² ‘получится ли у нас обеспечить такого прославленного человека как вы?’, *bēznē kēčkēñgä kürmässēzmē*?³ ‘не посчитаете ли вы нас убогими?’

Однако данного правила крестьяне в беседах с муллами, мугаллимами и шакирдами придерживались не всегда. В случаях обыденного характера в ход шли и выражения из разговорных страт: *tōta suqīr kēšē ničēk sabaq uqītsin sōñ*⁴ ‘разве может давать уроки совершенно незрячий человек’, *šau qijnap qīna tōra*⁵ ‘постоянно только и колотит’, *qōlaqlarīn suwīrib čīyara jazyan idē*⁶ ‘еще немножко и оторвал бы им уши’.

Что касается речевых актов представителей рассматриваемой социально-сословной прослойки в узком семейном кругу, они в основном выстраивались в рамках непринужденно-доверительного контекстуального стиля. В них раскрываются все ценностно-аксиологические принципы, которыми данные лица руководствовались в процессе своей жизнедеятельности. В лингвистическом плане в большинстве случаев практиковался разговорный стиль. Индикаторами всего этого выступают такие предложения как *mallar qararğa da öjdä bulmij*⁷ ‘отсутствует дома, когда нужно ухаживать за животными’, *bēznēkē mulla bulmas, mulla bulıya mulla balaları betmägändēr*⁸ ‘наш не будет муллой, это призвание детей мулл’, *bērär cirēñä jarar*⁹ ‘пригодится где-нибудь’, *tayı aqça kiräk bulsa, xat jaz*¹⁰ ‘если еще понадобятся деньги, напиши письмо’, *majlarlıq jul bulmasmı*¹¹ ‘может получится дать на лапу’.

Таким образом, в СРП сложившейся ко второй половине XIX в. социально-сословной прослойки татарских крестьян и простых горожан выделяются такие ценностно-аксиологические принципы как:

- 1) хлеб всему голова;
- 2) на все воля Всевышнего, но хлеб на столе сам по себе не появится;
- 3) наука удел избранных.

В стилистическом плане он выстраивается в основном из ресурсов разговорного стиля. Литературный стиль в его структуре представлен в наименьшей степени.

Заключение

Вторая половина XIX и начало XX в. в истории татарского общества считается периодом социально-экономических трансформаций буржуазного толка. Основной движущей силой этих изменений явились представители национальных коммерческих кругов. В то же время определенная часть общества, в основном духовенства и крестьянства, до последнего придерживалась того традиционного уклада жизни, который практиковался на протяжении веков.

Как показал проведенный анализ, характер СРП рассмотренных социальных групп в целом определяли такие ценностно-аксиологические установки утилитарного направленности как материальная выгода первостепенна, цель должна быть достигнута при любом раскладе, совесть на хлеб не намажешь (у коммерсантов), духовность прежде всего, но не стоит забывать и о материальной стороне жизни (у мулл, мугаллимов и шакирдов), хлеб всему голова и на все воля Всевышнего, но хлеб на столе сам по себе не появится (у крестьян и простых горожан). В свою очередь это повлияло на стилистический облик СРП: в их структуре доминирующее место занимают элементы и конструкции

¹ Биколов К. Бадәлче [Наемный хаджи]. Казан: Типо-литография Н. М. Чижовой, 1909. Б. 12. (На татар. яз.).

² Исакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 2001. Т. 3. Б. 291. (На татар. яз.).

³ Там же.

⁴ Биколов К. Ат караклары [Конокрады]. Казан: Өмет, 1912. Б. 16. (На татар. яз.).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Исакий Гаяз. Әсәрләр [Сочинения]: Унбиш томда [в пятнадцати томах]. Казан: Татарстан китап нәшр., 1998. Т. 1. Повестьлар һәм хикәяләр (1899–1908) [Повести и рассказы (1899–1908)]. Б. 31. (На татар. яз.).

⁸ Там же.

⁹ Там же. Б. 340.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

разговорного стиля. Литературный стиль же, за исключением отдельных случаев, в них представлен в наименьшей степени. Данное обстоятельство указывает на то, что в новых условиях коммуникативным запросам представителей татарского общества в силу его доступности и понятности больше отвечал именно первый, а последний по причине своей отдаленности от основной части социума не смог занять соответствующую нишу в системе социально-экономических взаимоотношений, которая сложилась в рассмотренный период.

Другими словами, в условиях тех перемен, которые татарское общество пережило во второй половине XIX и начале XX в., в качестве наиболее эффективного средства выстраивания коммуникаций выступили разговорные формы татарского языка, что нашло свое отражение и в СРП основных социальных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаматов, Д. Д. (1999) Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа : Гилем. 194 с.
- Бәширова, И. Б. (2008) XIX гасыр ахыры — XX йөз башы татар әдәби теле: жанр-стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык [Татарский литературный язык конца XIX века — начала XX столетия]. Казан : ТӘНСИ. 340 б. (На татар. яз.).
- Бойко, Б. Л. (2008) Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта // Армия и общество. № 2. С. 114–121.
- Винокур, Т. Г. (1989) Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук / сост. Е. В. Филиппова; отв. ред. И. Т. Фролов. М. : Наука. 503 с. С. 361–370.
- Габдрафикова, Л. Р. (2012) Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. № 4–1 (76). С. 56–62.
- Габдрафикова, Л. Р. (2015) Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX — начало XX века). Казань : Татарское книжное издательство. 367 с.
- Загидуллин, И. К., Багаутдинова, Х. З., Байбулатова, Л. Ф. (2015) Проблема дня отдыха торговых заведений мусульман в петициях татар Казани в конце XIX — начале XX в. // Гасырлар авазы — Эхо веков. № 3/4. С. 47–65.
- Знаменский, П. В. (1910) Казанские татары. Казань : Типо-литография Императорского университета. 67 с.
- Илялова, И. И. (1986) Театр имени Камала. Казань : Татарское книжное издательство. 327 с.
- История татар с древнейших времен (2013) : в 7 т. / гл. ред. Р. Хакимов. Казань : Институт истории АН РТ. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. 1172 с.
- Караулов, Ю. Н. (1987) Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 264 с.
- Крысин, Л. П. (2001) Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. № 1. С. 90–106.
- Ларин, Б. А. (1928a) К лингвистической характеристике города. Несколько предпосылок // Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Вып. 1. С. 175–185.
- Ларин, Б. А. (1928b) О лингвистическом изучении города // Русская речь. Вып. 3 / под. ред. Л. В. Щербы. Л. : Academia. 96 с. С. 61–74.
- Мирхаев, Р. Ф., Миннуллин, Б. К. (2024) Социально-речевой портрет поволжских татар во второй половине XIX — первом десятилетии XX века: теоретические основы изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17. Вып. 10. С. 3505–3509.
- Николаева, Т. М. (1991) «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции : в 2 ч. / редкол.: О. Л. Дмитриева и др. М. : ИРЯЗ. Ч. 2. 242 с. С. 69–74.
- Панов, М. В. (1990) История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М. : Наука. 453 с.
- Поливанов, Е. Д. (1968) Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. М. : Наука. 376 с.
- Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX столетия)] (2015) : 3 томда / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадырова; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. Казан : ТӘНСИ. I т.: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык [I т.: Фонетика. Графика: Письменные традиции, норма и вариативность]. 696 б. (На татар. яз.).

Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX столетия)] (2017) : 3 томда / И. Б. Бәширова, Ф. Ш. Нуриева, Э. Х. Кадырова, Р. Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф. М. Хисамова. Казан : ТӘҺСИ. II т.: Морфология. Грамматик категорияләренң структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык [II т.: Морфология. Структурно-субстанциональная особенность и функционально-стилистические возможности грамматических категорий: письменные традиции, норма и вариативность]. 888 б. (На татар. яз.).

Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX столетия)] (2019) : 3 томда / И. Б. Бәширова, М. З. Вәлиева, Г. Ф. Гайнуллина, Х. Х. Кузьмина; фәнни ред. Ф. С. Баязитова. Казан : ТӘҺСИ. III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләренң инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче кисәк [III т.: Лексика. Инвариантно-парадигматическая особенность и контекстуально-синтагматические возможности лексико-семантических категорий: письменные традиции, норма и вариативность. Первая часть]. 528 б. (На татар. яз.).

Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы) [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX столетия)] (2020) : 3 томда / И. Б. Бәширова, М. З. Вәлиева, Р. Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф. С. Баязитова. Казан : ТӘҺСИ. III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләренң инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кисәк [III т.: Лексика. Инвариантно-парадигматическая особенность и контекстуально-синтагматические возможности лексико-семантических категорий: письменные традиции, норма и вариативность. Вторая часть]. 588 б. (На татар. яз.).

Татарские мурзы и дворяне: история и современность (2010): сборник статей. Вып. 1 / редкол.: Ф. Г. Тарханова (отв. ред.) и др. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 376 с.

Хабутдинов, А. Ю. (2008) От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII — начало XX вв.). Казань : Татар. кн. изд-во. 214 с.

Хаков, В. Х. (1993) Татар әдәби теле тарихы [История татарского литературного языка]. Казан : КДУ нәшр. 325 б. (На татар. яз.).

Дата поступления: 20.01.2025 г.

Дата принятия: 23.04.2025 г.

REFERENCES

Azamatov, D. D. (1999) *The Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly in the Late 18th — 19th centuries*. Ufa, Gilem. 194 p. (In Russ.)

Bashirova, I. B. (2008) *The Tatar Literary Language at the End of the 19th — Beginning of the 20th Centuries: Genres, Styles, Norm and Variation of Certain Grammatical Categories*. Kazan, TÖHSI. 340 p. (In Tatar)

Boiko, B. L. (2008) Principles of Modeling a Speech Portrait of a Speaker of a Socio-Group Dialect. *Armiya i obshchestvo*, no. 2, pp. 114–121. (In Russ.)

Vinokur, T. G. (1989) The Speech Portrait of the Contemporary Person. In: Filippova, E. V. (comp.), Frolov, I. T. (ed.) *Man in the System of Sciences*. Moscow, Nauka. 503 p. Pp. 361–370. (In Russ.)

Gabdräfikova, L. R. (2012) Everyday Life of Tatar Students (Shakirds) in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–1 (76), pp. 56–62. (In Russ.)

Gabdräfikova, L. R. (2015) *Tatar Bourgeois Society: Lifestyle in a Time of Change (Second Half of the 19th — Early 20th Century)*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 367 p. (In Russ.)

Zagidullin, I. K., Bagautdinova, K. Z. and Baibulatova, L. F. (2015) The Issue of Muslim Shop Holidays in Petitions by Kazan Tatars in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Gasyrlar avazy — Ekho vekov*, no. 3/4, pp. 47–65. (In Russ.)

Znamensky, P. V. (1910) *The Kazan Tatars*. Kazan, Printing House of the Imperial University. 67 p. (In Russ.)

Ilyalova, I. I. (1986) *The Kamal Theatre*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 327 p. (In Russ.)

The History of the Tatars from Ancient Times (2013) / ed. by R. Khakimov. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Vol. VI: *The Formation of the Tatar Nation in the 19th — Early 20th Centuries*. 1172 p. (In Russ.)

Karaulov, Y. N. (1987) *The Russian Language and the Linguistic Personality*. Moscow, Nauka. 264 p. (In Russ.)

Krysin, L. P. (2001) The Modern Russian Intellectual: An Attempt at a Speech Portrait. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1, pp. 90–106. (In Russ.)

Larin, B. A. (1928a) Toward a Linguistic Characterization of the City: Some Preconditions. *Izvestiya Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A. I. Gertsena*, vol. 1, pp. 175–185. (In Russ.)

Larin, B. A. (1928b) On the Linguistic Study of the City. In: Shcherba, L. V. (ed.) *Russkaya rech'*, vol. 3. Leningrad, Academia. 96 p. Pp. 61–74. (In Russ.)

Mirkhayev, R. F. and Minnullin, B. K. (2024) The Socio-Speech Portrait of the Volga Region Tatars in the Second Half of the 19th — First Decade of the 20th Century: Theoretical Basis of the Study. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 17, no. 10, pp. 3505–3509. (In Russ.)

Nikolaeva, T. M. (1991) 'Sociolinguistic Portrait' and Methods of Its Description. In: Dmitrieva, O. L. et al. (eds.) *The Russian Language and Modernity: Issues and Prospects of Russian Studies*. Papers of the All-Union Scientific Conference. Part 2. Moscow, IRYAZ. 242 p. Pp. 69–74. (In Russ.)

Panov, M. V. (1990) *History of Russian Literary Pronunciation in the 18th–20th Centuries*. Moscow, Nauka. 453 p. (In Russ.)

Polivanov, E. D. (1968) *Articles on General Linguistics: Selected Works*. Moscow, Nauka. 376 p. (In Russ.)

History of the Tatar Literary Language (13th — Early 20th Century) (2015) : in 3 vol. / Bashirova, I. B., Nuriyeva, F. Sh., Kadyirova, E. Kh., ed. by Khisamova, F. M. Kazan, TÖHSI. Vol. I: *Phonetics. Graphics: Written Traditions, Norm and Variability*. 696 p. (In Tatar)

History of the Tatar Literary Language (13th — Early 20th Century) (2017) : in 3 vol. / Bashirova, I. B., Nuriyeva, F. Sh., Kadyirova, E. Kh., ed. by Khisamova, F. M. Kazan, TÖHSI. Kazan, TÖHSI. Vol. II: *Morphology. Structural-Substantial Specificity and Functional-Stylistic Possibilities of Grammatical Categories: Written Traditions, Norm and Variation*. 888 p. (In Tatar)

History of the Tatar Literary Language (13th — Early 20th Century) (2019). Bashirova, I. B., Valieva, M. Z., Gainullina, G. F., Kuzmina, Kh. Kh., ed. by Bayazitova, F. S. Kazan, TÖHSI. Vol. III. Part 1: *Lexis. Invariant-Paradigmatic Nature and Contextual-Syntagmatic Potential of Lexico-Semantic Categories: Written Traditions, Norm and Variation*. 528 p. (In Tatar)

History of the Tatar Literary Language (13th — Early 20th Century) (2020) / Bashirova, I. B., Valieva, M. Z., Mirkhayev, R. F., ed. by Bayazitova, F. S. Kazan, TÖHSI. Vol. III, Part 2: *Lexis. Invariant-Paradigmatic Nature and Contextual-Syntagmatic Potential of Lexico-Semantic Categories: Written Traditions, Norm and Variation*. 588 p. (In Tatar)

Tatar Murzas and Nobility: History and Modernity (2010). Collected Papers, vol. 1., ed. by Tarkhanova, F. G. [chief editor] et al. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences. 376 p. (In Russ.)

Khabutdinov, A. Yu. (2008) *From Community to Nation: Tatars on the Path from the Middle Ages to Modernity (Late 18th — Early 20th Centuries)*. Kazan, Tatar Book Publishing House. 214 p. (In Russ.)

Khakov, V. Kh. (1993) *History of the Tatar Literary Language*. Kazan, KSU Publishing. 325 p. (In Tatar).

Submission date: 20.01.2025.

Acceptance date: 23.04.2025.